

НОВОЕ ДОСТИЖЕНИЕ РОССИЙСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА И КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА

**КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО: академический курс: учебник: в 3 т. /
под ред. А.И. Казанника, А.Н. Костюкова. М.: Проспект, 2021.
Т. I. – 256 с.; т. II. – 680 с.; т. III. – 512 с.**

© 2021 г. С. Н. Бабурин

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: 1357343@mail.ru

Поступила в редакцию 11.01.2021 г.

Аннотация. Статья посвящена анализу нового трехтомного академического курса конституционного права, выполненного под редакцией А.И. Казанника и А.Н. Костюкова. Положительно оцениваются исследование современного конституционного права России в контексте мирового конституционно-правового развития, новые грани в подходах к изучению статуса конституционно-правовых институтов. Полемично рассмотрены взгляды авторов на роль конституционного права в межгосударственной интеграции, в охвате различных культурно-исторических моделей конституционализма. Делается вывод о том, что академический курс стал приметным событием в отечественной науке конституционного права и может быть основой для совершенствования образовательной практики.

Ключевые слова: конституционное право, конституция, конституционно-правовые отношения, конституционно-правовой статус, суверенитет, предметы ведения, конституционализм.

Цитирование: Бабурин С.Н. Новое достижение российского конституционализма и конституционного права

Конституционное право: академический курс: учебник: в 3 т. / под ред. А.И. Казанника, А.Н. Костюкова // Государство и право. 2021. № 3. С. 36–43.

DOI: 10.31857/S102694520014029-2

A NEW ACHIEVEMENT OF RUSSIAN CONSTITUTIONALISM AND CONSTITUTIONAL LAW

**CONSTITUTIONAL LAW: academic course: textbook: in 3 vols / ed. by
A.I. Kazannik, A.N. Kostyukov. M.: Prospekt, 2021.
Vol. I. – 256 pp.; vol. II. – 680 pp.; vol. III. – 512 pp.**

© 2021 S. N. Baburin

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: 1357343@mail.ru

Received 11.01.2021

Abstract. The article is devoted to the analysis of the new three-volume academic course of Constitutional Law, edited by A.I. Kazannik and A.N. Kostyukov. The study of the modern Constitutional Law of Russia in the context of the world constitutional and legal development, new facets in the approaches to the study of the status of constitutional and legal institutions are positively evaluated. The authors' views on the role of Constitutional Law in interstate integration, in the coverage of various cultural and historical models of constitutionalism are polemically considered. It is concluded that the academic course has become a notable event in the domestic science of Constitutional Law and can be the basis for improving educational practice.

Key words: Constitutional law, constitution, constitutional-legal relations, constitutional-legal status, sovereignty, subjects of competence, constitutionalism.

For citation: Baburin, S.N. (2021). A new achievement of Russian constitutionalism and Constitutional Law Constitutional Law: academic course: textbook: in 3 vols / ed. by A.I. Kazannik, A.N. Kostyukov // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 3, pp. 36–43.

Развитие российского конституционализма в XXI в. в результате конституционной поправки 2020 г., предложенной к Конституции РФ Президентом РФ В.В. Путиным, вышло на иной, принципиально значимый уровень. Об этом свидетельствует и академический курс конституционного права под редакцией А.И. Казанника и А.Н. Костюкова, вышедший в 3 томах в издательстве «Прспект». Новое издание следует считать самостоятельным значимым событием в отечественной науке конституционного права.

Конституционное право в Российской Федерации давно сложилось как отрасль отечественного права, в которой предметом многих и хорошо себя зарекомендовавших курсов по конституционному праву являются наиболее фундаментальные общественные отношения, которыми характеризуются основы конституционного (общественного) строя Российского государства, сущность и формы власти народа, основы правового положения личности, государственное устройство, а также система и порядок формирования, принципы организации и механизм деятельности органов государственной власти и местного самоуправления¹. Рассматриваемый нами Академический курс отличается универсализмом подхода и последовательным использованием методов сравнительного правоведения, когда в сопоставлении оцениваются как конституционно-правовые идеи, так и каждый конкретный правовой институт, все элементы механизмов конституционного регулирования и конституционного контроля. Создается возможность в широком контексте социального развития выявить общее и особенное в современном конституционализме, закономерности и случайности в конституционно-правовом регулировании. Это особенно важно в условиях нарастания угроз для

всех национальных государств, вызванном новым глобальным переделом мира².

Заслуживает доверия и располагает уже само наполнение авторами новым знанием классической, традиционной структуры учебного курса: изложение материала идёт от обстоятельной характеристики науки конституционного права и её места в системе национальных отраслей права, от оценки конституционного права как учебной дисциплины и рассмотрения понятия и юридических свойств конституций современных государств, классификации конституций – к анализу статуса конкретных конституционных институтов и конституционных основ конкретных сфер публичной власти.

Авторы фундаментального коллективного труда, несмотря на его академический характер, рассматривают конституционное право прежде всего как основополагающую учебную дисциплину, представляющую собой систему научно разработанных теоретических и практических положений, раскрывающих содержание конституционного права как отрасли национального права, обязательную к изучению в юридических и иных вузах страны (т. I, с. 11). При этом обоснованно указывается, что в каждом государстве или группе государств предмет конституционного права имеет свои особенности, обусловленные историческими, национальными, экономическими и политическими причинами формирования и структурирования системы основополагающих общественных отношений (т. I, с. 27), что конституционный институт государства формируется с учетом исторических, национальных, экономических и политических особенностей страны (т. II, с. 385). Фактически авторы основывают свою работу на элементах цивилизационного подхода, что является важной характерной чертой и большим достоинством всего Академического курса.

¹ См.: Авакьян С.А. Конституционное право России: учеб. курс: учеб. пособие: в 2 т. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2014. Т. I. С. 22.

² См.: Савенков А.Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., 2020.

Заслуживает поддержки вытекающее именно из цивилизационного подхода структурное отделение конституционного права зарубежных государств, входивших ранее в состав Российской Империи и Советского Союза (Белоруссии, Украины и до Польши, Финляндии и государств Балтии), от конституционного права остальных зарубежных государств, которому специально посвящен отдельный, третий, том фундаментального учебника.

Для науки и практики важно, что конституционное право России рассматривается в контексте и сравнении с лучшими мировыми достижениями конституционно-правового развития. Впечатляет то, что столь серьёзный сравнительный обзор современного конституционного права выполнен уже с учетом поправок в Конституцию РФ, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. и вступивших в силу 4 июля 2020 г. Используются новейшие федеральные и региональные законодательные и подзаконные акты, судебные решения. Особенно существенно это в разделах, затрагивающих высшие органы государственной власти Российской Федерации и взаимоотношения между ними. Не случайно главу «Конституционно-правовой статус главы государства» авторы начинают с анализа правового статуса монарха и правового статуса главы государства в республике (т. II, с. 426–435). Некритически воспринимая принцип разделения властей в современном государстве как данность, привнесенную в Россию в годы советской перестройки 1988–1991 гг. (т. II, с. 386–392), авторы опираются как на признание единства системы государственной власти (ч. 3 ст. 5 Конституции РФ), так и на признание её разделенной на законодательную, исполнительную и судебную, органы которых самостоятельны (ст. 10). Между тем такое механическое размежевание функций публичной власти было уместно лет 200 тому назад, уже в 1991–1993 гг. оно было данью политической конъюнктуры, далекой уже от достижений и западного, и советского конституционализма. Конституционная реформа 2020 г. усилила эфемерность означенной триады, что следовало бы осмыслить в Академическом курсе.

Вместе с тем в оцениваемой нами работе продуманны, логичны и обстоятельны авторские обзоры статусов главы государства, парламента, правительства, судебной власти в различных государствах и их конституционных регламентациях, пусть мы и находимся в стадии ещё только формирования реального парламентаризма как основного способа организации и функционирования представительной демократии³. Равно как интересен сравнительный анализ конституционно-правовых

основ местного управления и самоуправления в странах с различными культурно-историческими традициями.

Авторы в своей оценке науки конституционного права обстоятельно, хотя и несколько отстраненно рассматривают её методологическую основу, начиная от позитивизма и роли нормативистской теории Г. Кельзена, социологическое, политическое и психологическое направления, добавляя к последним марксизм как отдельное направление, но не больше, и завершают свой обзор интегративной юриспруденцией и теологическим подходом. Справедливо отмечается, что теологический подход к познанию права имеет большое методологическое значение для развития науки конституционного права России, позволяя переосмыслить роль конституционных принципов светского государства и идеологического плюрализма, по-новому взглянуть на проблему соотношения прав и обязанностей граждан, объективно оценить социальный характер государства, внести научно обоснованные предложения по совершенствованию законодательства на основе нравственных начал (т. I, с. 185, 186). Однако указанный тезис остается в дальнейшем тексте учебника не реализованным, авторский подход далее строится преимущественно на позитивистской методологии.

Это проявляется прежде всего в том, что, рассматривая конституционное право как науку, авторы Академического курса традиционно понимают её лишь как систематизированное, объективное знание о нормах и институтах национальных отраслей конституционного права современных государств, об урегулированных ими общественных отношениях, о национальных отраслях конституционного законодательства, конституционно-правовой практике, теоретических концепциях, гипотезах и доктринах познания предмета науки, т.е. наука конституционного права изучает конституционно-правовые нормы и институты, обобщает и анализирует практику их реализации (т. I, с. 148).

Исследуя государство как целостный институт конституционного права, авторы оправданно строят свою работу на конституционном определении основных элементов государства: территории, населения, публичной власти (т. II, с. 379). При этом, раскрывая понимание государства как территориальную организацию политической системы общества, объединяющую население по административно-территориальному принципу, когда публичная власть осуществляется особым аппаратом, разветвлённой системой государственных органов, аргументация убедительно включает в себя оценку конституционных норм России и других стран, с особым выделением Белоруссии, Филиппин, Ливана, Китая. В качестве отправного начала

³ См.: Керимов А.Д. Государственная организация общественной жизнедеятельности: вопросы теории. М., 2018. С. 118.

политико-территориальной организации Российской Федерации выделяется принцип федерализма, выражающий степень централизации и децентрализации в осуществлении государственной власти.

Обстоятельно и гармонично рассматриваются в работе вопросы суверенитета (т. II, с. 285–321). Оценивая государственный, народный и национальный суверенитеты, авторы характеризуют их динамическое соотношение с позиции культурно-исторических особенностей государств и народов. Представляется, однако, техническим недоразумением утверждение авторов, что в многонациональных демократических государствах сколько-нибудь существенных различий между государственным, народным и национальным суверенитетами просто нет (т. II, с. 318, 319). Из дальнейшего текста следует, что речь идет о мононациональных государствах. Государственная власть в таких случаях принадлежит народу, который по своему этническому составу является единой нацией, реализовавшей право на самоопределение в форме унитарного государства или территориальной федерации. Обоснованно утверждается, что такую власть следует характеризовать по её сущности как государственную, народную и национальную. Иное дело с соотношением суверенитетов в национально-территориальных федерациях, отличительная черта которых полиэтнический состав населения⁴. Авторы делают вывод о частичном пересечении в таких случаях государственного и национального суверенитета в процессе их реализации.

Спорной представляется позиция авторов, утверждающих, что нормами текущего законодательства в России в значительной степени ограничены народный и национальный суверенитеты, что превращает важнейшие принципы конституционного строя в юридические фикции (т. II, с. 320). Противостояние интересов крупнейших сырьедобывающих компаний интересам коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока на создание зон традиционного природопользования и сохранения исконной среды обитания, на которое ссылаются авторы, их вывода не подтверждает. Суверенитет не может быть ограничен, но он может иметь недостаточную правовую защиту, что требует конституционно-правового реагирования, прежде всего Конституционного Суда РФ. Как и деформации избирательной системы

и избирательного (референдумного) права могут противоречить суверенитету народа, но не могут сделать его ограниченным. Самые разные деформации практически возможны, но они изначально неконституционны, их любые обоснования по необходимости ограничения суверенитета теоретически несостоятельны.

Характеризуя демократический правовой социальный характер многих современных государств, авторы обоснованно отмечают, что принцип правового государства, например, пока не нашел своего адекватного выражения в легальном определении, его характеристики представлены лишь в научной доктрине (т. II, с. 382). Авторские выводы сопровождаются убедительными примерами из конституционных норм ФРГ, Финляндии, Швейцарии, Российской Федерации. Конституционное закрепление социального характера государства иллюстрируется на примере Российской Федерации, Бельгии, Венгрии, Нидерландов, Турции, Индии.

Светский характер государства для авторов означает отделение церкви от государства и разграничение их сфер влияния в гражданском обществе, недопустимость признания какой-либо религии государственной или официальной, равенство всех религиозных объединений перед законом, идеологический нейтралитет государства как к религии, так и материализму. При этом, придерживаясь академического универсализма и объективности, указывается, что принцип светского государства не является всеобщим, он не признается на конституционном уровне в странах с клерикально-демократическим и теократическим режимами (т. II, с. 384). Светский характер государства не следует путать с секулярностью как выхолащиванием общества от религии, борьбой государства против религии. Светскость предполагает определенный режим взаимоотношений государства и религии, отделение государства и религиозных объединений друг от друга, их невмешательство в дела друг друга.

Представляется важным подчеркнуть, что общей чертой всех светских государств может быть названо то, что никакое светское государство не защищает религиозные догмы и не способствует распространению или отстаиванию атеистических или агностических убеждений. Светскость запрещает государству любой как религиозный, так и антирелигиозный подход. Следует согласиться с весьма жестким, но реалистичным выводом авторов, что за более чем 25-летний период действия Конституции РФ в стране реальностью стало лишь светское государство, сложились благоприятные условия для пользования свободой совести и вероисповедания (т. II, с. 385).

⁴ См.: Малько А.В., Гуляков А.Д., Саломатин А.Ю. Федерализм в историко-государствоведческом измерении // Государство и право. 2018. № 12. С. 116–127; см. также: Малько А.В., Кроткова Н.В., Саломатин А.Ю. Обзор Всероссийской научной конференции в форме «круглого стола» журналов «Государство и право» и «Правовая политика и правовая жизнь» по теме «Федерализм: эволюция и современное состояние» // Государство и право. 2016. № 12. С. 111–117.

Заслуживают всяческой поддержки многие авторские оценки конституционно-правовой реальности, например, настойчивое включение в конституционно-правовой оборот понятия личности, серьёзно разработанного советским государственным правом, но фактически утраченного в 1993 г. на высшем нормативном уровне. Если в советских конституциях 70-х годов имелся самостоятельный раздел «Государство и личность», что позволяло конституционно-правовой доктрине легально конструировать статус личности в конституционном праве, поскольку личность может так или иначе влиять на жизнь общества, государства и даже обязана думать об их интересах⁵, то в ныне действующей Конституции РФ унаследована от прежних эпох лишь норма об уважении личности («Достоинство личности охраняется государством» — ст. 21). Впрочем, это не препятствует отечественной конституционно-правовой доктрине, выходя за рамки неолиберального понимания прав и свобод человека и гражданина, объявить понятия «человек» и «личность» почти тождественными и формировать конституционный статус личности, выявляя его параметры и элементы⁶.

Авторы Академического курса идут тем же неформальным, но конструктивным путём. Они подчеркивают, что в отличие от человека личность характеризуется не только физическими и биологическими свойствами, но также социальными и духовными качествами, практическими навыками поведения и деятельности в основных сферах общественной жизни⁷. Понимают под личностью лишь такого человека, который смог реализовать в социальной среде свой природный дар мышления и речи, способность познавать и преобразовывать окружающий мир, создавать орудия и пользоваться ими в процессе общественного труда (т. II, с. 151, 152).

Авторы обоснованно конструируют конституционно-правовой статус личности как юридически закреплённое положение лица в обществе, наделённое государством правами, свободами и обязанностями, необходимыми и достаточными для проявления своих способностей и реализации практических навыков в гражданской, экономической, социальной и экологической сферах жизни общества без нарушения прав и свобод других лиц (т. II, с. 152). Отсюда и конституционно-правовой статус гражданина выводится как юридически закреплённое положение личности в государстве,

обусловленное правовым состоянием гражданства (т. II, с. 153).

Однако такая позиция авторов Академического курса порождает и общий для современных учебных курсов методологический дефект, вырастающий из позитивистского подхода к конституционному праву: опираясь на ст. 2 Конституции РФ, ст. 1 Основного закона ФРГ, ст. 12 Конституции Казахстана, они указывают в качестве высшей ценности любого общества только человека, его права и свободы, в то время как каждая национальная система ценностей гораздо обширнее. Так, X Всемирный Русский Народный Собор ещё в 2006 г. указал, что в российском обществе существуют ценности не ниже прав и свобод человека: вера, святости, Отечество, нравственность⁸. Представляется, что аналогичная ситуация и у других народов.

Интересны и социально значимы размышления авторов о праве человека на жизнь, включая дискуссионные проблемы определения момента начала человеческой жизни и проблемы допустимости эвтаназии. Следует согласиться с авторами, что законы об эвтаназии подрывают в самой основе конституционно-правовые гарантии права человека на жизнь, когда право на жизнь подменяется правом быть умершим, а смерть или небытие становятся ценностью, превалирующей над жизнью человека (т. II, с. 158), равно как и в том, что вряд ли следует считать серьёзным достижением демократической России отказ государства от правового регулирования отношений по выбору имени человека и предоставление беспредельного усмотрения по определению своей национальности. Практика современных переписей населения показала, что фактически создана ситуация, ставящая под сомнение честь и достоинство несовершеннолетних лиц. Без обращения к традиционным духовно-нравственным ценностям общества из сложившегося положения достойно не выйти.

К сожалению, даже при имеющем место фундаментальном подходе ко всем вопросам развивающегося конституционализма мало внимания уделено такому аспекту реформы Конституции РФ в 2020 г., как возвращение в её текст духовно-нравственных ценностей общества. Чисто в позитивистском ключе авторы излагают особенности конституционно-правового регулирования духовно-правовых отношений (т. II, с. 338–343), не заметив, что появление ст. 67.1 Конституции РФ по-новому форматирует систему духовно-нравственных ценностей российского общества, провозглашая в развитие принципов конституционной

⁵ См.: *Авакьян С.А.* Указ. соч. С. 572.

⁶ См.: там же. С. 572–575.

⁷ См.: *Комарова В.В.* Социальное благополучие человека: конституционная ценность // Социальное благополучие человека: правовые параметры: сб. ст. / отв. ред. В.В. Комарова. М., 2019. С. 32–49.

⁸ См.: Декларация о правах и достоинстве человека X Всемирного Русского Народного Собора, 6 апреля 2006 г. // Сайт Патриархии РПЦ // <http://www.patriarchia.ru/db/text/103235.html> (дата обращения: 28.12.2020).

Преамбулы конституционным ориентиром не только признание исторически сложившегося государственного единства или объединение Российской Федерации тысячелетней историей, но и верность (сохранение) памяти предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также саму преемственность в развитии Российского государства. В том числе, дезавуируя норму Соглашения о создании СНГ в части прекращения существования Союза ССР как субъекта международного права и геополитической реальности (преамбула Соглашения от 08.12.1991 г.), конституционно провозглашена правопреимственность Российской Федерации от Советского Союза, то, что Российская Федерация является правопродолжателем СССР в отношении членства в международных организациях и по ряду других вопросов. Тем самым впервые за более чем 25 лет обозначены традиционные ценностные приоритеты развития общества, те духовно-нравственные ориентиры, без которых исполнение многих иных конституционных норм теряет смысл.

Конечно, трудно не заметить определённую внутреннюю дисгармонию в тексте Конституции между новыми нормами и нормами гл. 1 Основного Закона, но если руководствоваться пониманием конституционной реформы, данным Конституционным Судом РФ перед общенародным голосованием, то противоречий нет, а есть конституционное развитие. Представляется, что все сомнения на этот счёт подлежат устранению в ходе дальнейшей конституционной реформы.

Верно подмечена авторами противоречивость конституционных норм и социальной реальности современного общества в вопросе о свободе труда (т. II, с. 182–190). Если в конституциях государств социалистической традиции (Китай, Вьетнам, Куба, Бангладеш) труд является правом, обязанностью и делом чести каждого трудоспособного гражданина, а в обществе реализуется принцип «от каждого по способностям, каждому по труду», то авторы явно лукавят, утверждая, что в Российской Федерации право на труд понимается (начиная с Конституции СССР 1936 г.) как «право на получение гарантированной работы с оплатой труда по его количеству и качеству» (т. II, с. 184). Конституция РФ 1993 г. принципиально изменила акценты, её ст. 37 начинается с провозглашения принципов: «1. Труд свободен. Каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию. 2. Принудительный труд запрещён».

Таким образом, конституционно закреплена потребительское отношение личности к обществу. Боялись возвращения к норме Конституции РСФСР 1918 г. о том, что труд — обязанность всех

граждан Республики, и лозунгу «Не трудящийся, да не ест!», а вошли в противоречие с фундаментальными традиционными духовно-нравственными ценностями человеческой цивилизации. «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь», — заповедовал Св. апостол Павел (2 Фес. 3:10). Этика труда есть важная составная часть Ислама и других религий. Не без логики авторами приводится пример с Конституцией Турции (ст. 18), по которой не считаются принудительным трудом работы, выполняемые в период отбывания срока заключения или нахождения под арестом, в условиях чрезвычайного положения, при использовании физического и интеллектуального труда для обязательного исполнения гражданского долга, предусмотренного законом.

Утверждая, что в странах с рыночной экономикой нет и быть не может юридического механизма реализации права на труд (т. II, с. 187), авторы предпочли уйти от вопроса, каким же образом следует делать это право реальным, прикрывшись примером из Конституции Республики Беларусь, где гражданам «гарантируется право на труд как наиболее достойный способ самоутверждения человека, то есть право на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, образованием, профессиональной подготовкой и с учетом общественных потребностей, а также на здоровые и безопасные условия труда» (ст. 41).

Современная российская Конституция ответа не содержит, но с появлением конституционной нормы об обязанности для Российской Федерации обеспечивать социальное партнерство, экономическую, политическую и социальную солидарность (ст. 75.1) ответ на этот вопрос выходит в конституционно-правовой науке, да и вообще в общественном ведении на первый план.

Следует отметить, что при широком охвате конституционно-правовых вопросов не все важные стороны современного конституционализма нашли своё отражение в рассматриваемом учебнике. Представляется необходимым включение в первый том академического учебника по конституционному праву специальной главы, посвященной интеграционному конституционализму как новому феномену современного государственно-правового развития. Духовно-нравственные и культурно-исторические традиции соответствующего общества придают конституционализму цивилизационную фундаментальность и мощь⁹. Современные геополитические вызовы, всемирный цивилизационный кризис заставляют государства искать

⁹ См.: *Бабурин С.Н.* Интеграционный конституционализм. М., 2020. С. 124.

формы единения, выходящие за рамки международного права¹⁰, в сфере международных отношений складываются формы межгосударственной интеграции, всё больше опирающиеся на конституционно-правовые подходы, формируется особый тип конституционализм, который уместно называть интеграционным.

Интеграционный конституционализм, означающий формирование новой государственной общности, а потому подлежащий включению в курс конституционного права, следует рассматривать как происходящий в условиях легитимности процесс трансформации национальных конституций, направленный на создание единого государственного образования – федерации или союзного государства¹¹. И конечно, интеграционный конституционализм имеет свои правовые, политические и духовно-нравственные особенности, которые заслуживают анализа в Академическом курсе.

Рассмотрение основ конституционного права Великобритании, ФРГ, Италии, Франции, Японии, Индии, Китая, Бразилии и ЮАР само по себе представляет большой научный и учебный интерес. Однако существенным пробелом третьего, завершающего, раздела учебного курса, посвященного основам конституционного права зарубежных государств, является исключение из обзора особенностей конституционного права Соединённых Штатов Америки, всех иберо-американских государств, конституционного права исламских государств.

Особенно досадно отсутствие научного внимания к Исламской Республике Иран. Не потому лишь, что не дана оценка, как уже говорилось, конституциям государств исламского мира, но потому, что Конституция современного Ирана ярко выделяется и в конституционном праве исламских государств. Конституция Исламской Республики Иран на сегодняшний день является единственной в мире попыткой конституционного оформления нравственного государства, закрепления на высшем национальном уровне духовно-нравственных ценностей и механизмов их обеспечения¹².

Авторы обоснованно уделяют особое внимание вопросам регионализма в системе политико-территориального устройства Великобритании,

особенностям конституционно-правового статуса субъектов федерации в ФРГ, а также политико-территориальной организации других рассматриваемых государств. С полным на то основанием рассматриваются конституционные особенности государств. Так, в главе об основах конституционного права Франции внимание читателя привлекают к закреплению в Конституции статуса вспомогательных органов государства, призванных выполнять консультативные и правоохранительные функции – экономического, социального и экологического совета, а также уполномоченного по правам человека, именуемого «защитник прав» (т. III, с. 259–261).

* * *

Трехтомный Академический курс конституционного права, подготовленный юристами Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, стал приметным событием в отечественной юридической науке, он может и должен быть основой для совершенствования образовательной практики. 2 июня 2019 г. не стало одного из его главных авторов и научных редакторов, видного российского учёного и государственного деятеля, государственного советника юстиции I класса, заслуженного юриста РФ, д-ра юрид. наук, проф. Алексея Ивановича Казанника¹³. Издание Академического курса конституционного права под редакцией А.И. Казанника и А.Н. Костюкова – яркое подтверждение весомого вклада в науку конституционного права и наше общее выражение уважения к памяти об этом выдающемся человеке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авакьян С.А.* Конституционное право России: учеб. курс: учеб. пособие: в 2 т. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2014. Т. 1.
2. *Бабурин С.Н.* Значение Великой Иранской революции для современного мира: духовно-ценностное измерение конституционализма // Вестник МГОУ. Сер.: Юриспруденция. 2019. № 3. С. 116–130. DOI: 10.18384/2310-6794-2019-3-116-130.
3. *Бабурин С.Н.* Интеграционный конституционализм. М., 2020.
4. *Бабурин С.Н.* Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма. М., 2020.
5. Декларация о правах и достоинстве человека X Всемирного Русского Народного Собора, 6 апреля 2006 г. // Сайт Патриархии

¹⁰ См.: Интернационализация конституционного права: современные тенденции / под ред. Н.В. Варламовой и Т.А. Васильевой. М., 2017.

¹¹ См.: *Бабурин С.Н.* Указ. соч. С. 129.

¹² См.: *Бабурин С.Н.* Значение Великой Иранской революции для современного мира: духовно-ценностное измерение конституционализма // Вестник МГОУ. Сер.: Юриспруденция. 2019. № 3. С. 116–130. DOI: 10.18384/2310-6794-2019-3-116-130; *Его же.* Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма. М., 2020. С. 101–114.

¹³ В 1993–1994 гг. – Генеральный прокурор Российской Федерации.

- РПЦ // <http://www.patriarchia.ru/db/text/103235.html> (дата обращения: 28.12.2020).
6. Интернационализация конституционного права: современные тенденции / под ред. Н.В. Варламовой и Т.А. Васильевой. М., 2017.
 7. Керимов А.Д. Государственная организация общественной жизнедеятельности: вопросы теории. М., 2018.
 8. Комарова В.В. Социальное благополучие человека: конституционная ценность // Социальное благополучие человека: правовые параметры: сб. ст. / отв. ред. В.В. Комарова. М., 2019. С. 32–49.
 9. Конституционное право: академ. курс: учеб.: в 3 т. / под ред. А.И. Казанника, А.Н. Костюкова. М., 2021. Т. I. С. 11, 27, 148, 185, 186; т. II. С. 151–153, 158, 182–190, 285–321, 338–343, 379, 382, 384–392, 426–435; т. III. С. 259–261.
 10. Малько А.В., Гуляков А.Д., Саломатин А.Ю. Федерализм в историко-государствоведческом измерении // Государство и право. 2018. № 12. С. 116–127.
 11. Малько А.В., Кроткова Н.В., Саломатин А.Ю. Обзор Всероссийской научной конференции в форме «круглого стола» журналов «Государство и право» и «Правовая политика и правовая жизнь» по теме «Федерализм: эволюция и современное состояние» // Государство и право. 2016. № 12. С. 111–117.
 12. Савенков А.Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., 2020.
 - value dimension of constitutionalism // Herald of the MSRU. Ser.: Jurisprudence. 2019. No. 3. P. 116–130. DOI: 10.18384/2310-6794-2019-3-116-130 (in Russ.).
 3. Baburin S. N. Integratsionny constitutionalizm. M., 2020 (in Russ.).
 4. Baburin S. N. The moral state. Russian view on the values of constitutionalism. M., 2020 (in Russ.).
 5. Declaration on the rights and dignity of the person's world Russian people's Council, April 6, 2006 // Website of the Patriarchate of the Russian Orthodox Church // <http://www.patriarchia.ru/db/text/103235.html> (accessed: 28.12.2020) (in Russ.).
 6. Internationalization of Constitutional Law: current trends / ed. by N.V. Varlamova and T.A. Vasilyeva. M., 2017 (in Russ.).
 7. Kerimov A. D. The state organization of social life: questions of theory. M., 2018 (in Russ.).
 8. Komarova V.V. Social well-being: the constitutional value // Social well-being: legal parameters: collection of articles / ed. by V.V. Komarov. M., 2019. P. 32–49 (in Russ.).
 9. Constitutional Law: academic course: textbook: in 3 vols / ed. by A.I. Kazannik, A.N. Kostyukov. M., 2021. Vol. I. P. 11, 27, 148, 185, 186; vol. II. P. 151–153, 158, 182–190, 285–321, 338–343, 379, 382, 384–392, 426–435; vol. III. P. 259–261 (in Russ.).
 10. Mal'ko A. V., Gulyakov D. A., Salomatina A. Yu. Federalism in historical and political dimension // State and Law. 2018. No. 12. P. 116–127 (in Russ.).
 11. Mal'ko A. V., Krotkova N. V., Salomatina A. Yu. Review of the All-Russian scientific conference in the form of the "Round Table" of the journals "State and Law" and "Legal policy and legal life" on the topic "Federalism: evolution and current state" // State and Law. 2016. No. 12. P. 111–117 (in Russ.).
 12. Savenkov A. N. State and law in the period of the crisis of modern civilization. M., 2020 (in Russ.).

REFERENCES

Сведения об авторе

БАБУРИН Сергей Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник, научный руководитель Центра интеграционных и цивилизационных исследований Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10; профессор Московского университета им. С.Ю. Витте; 115432 г. Москва, 2-й Кожуховский проезд, д. 12, стр. 1; профессор Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского; 644077 г. Омск, пр-т Мира, д. 55а

Authors' information

BABURIN Sergey N. – Doctor of Law, Professor, the honored worker of science of the Russian Federation, the chief researcher, Scientific Director of the Center for integration and civilization studies of Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenska str., 119019 Moscow, Russia; Professor of Witte Moscow University; 12, building 1, 2nd Kozhukhovskiy proezd, 115432 Moscow, Russia; Professor of Dostoyevsky Omsk state University; 55a Mira ave., 644077 Omsk, Russia